

После того как Ся Цинлу официально запретил Чу Ваннаню заходить к нему домой, тот и впрямь не сделал ни шагу за порог.

Время до начала учебы таяло, и Чу Ваннань всюду помогал Чэнь Шу: они мотались по городу, сравнивали цены у разных поставщиков продуктов и наносили последние штрихи в подготовке.

Каждый раз, когда они возвращались, лица их были красными от солнца, по лбу катился град пота, а одежда насквозь пропитывалась влагой.

— Скорее, попейте воды, — Ся Цинлу поспешно наливал им стаканы. Чу Ваннань осушал один залпом, и Ся Цинлу тут же подливал еще.

Только после нескольких стаканов Чу Ваннань почувствовал, что жажда в горле наконец отступила.

Немного передохнув, он брал бумагу с ручкой и садился за стол вместе с Чэнь Шу обсуждать, какие из осмотренных сегодня поставщиков подходят, а какие — нет. В разгаре беседы они заглядывали на кухню, проверяя, какое еще оборудование нужно докупить.

Ся Цинлу не мог вставить ни слова, но все равно, будто маленький хвостик, следовал за Чу Ваннанем по пятам, куда бы тот ни шел.

Оборачиваясь, Чу Ваннань едва не наступил ему на ногу:

— Осторожнее.

Он придержал Ся Цинлу за плечо и продолжил разговор с Чэнь Шу.

Оба были предельно серьезны и обсуждали дело, в котором другие не участвовали. Принимая во внимание их привлекательную внешность, даже при отсутствии намеков на близость в жестах или позах, легко можно было считать, что между ними царит неопишное взаимопонимание.

Ся Цинлу молча следовал за ними, во все глаза следя за каждым движением и не упуская ни единой детали.

Столько дней эти двое действуют сообща, столько времени проводят наедине — а вдруг их чувства как-то изменятся?

Ся Цинлу подумал, что, пожалуй, поторопился с выводом о том, что эффект бабочки полностью вычеркнул Чэнь Шу из сюжета.

Сам он считал, что просто с любопытством наблюдает за развитием сценария, но Чу Ваннань и Чэнь Шу чувствовали его взгляд кожей, словно им в спину вонзались раскаленные иглы.

Чу Ваннань под этим жгучим взглядом то и дело запинался на полуслове, но быстро и непринужденно брал себя в руки.

Чэнь Шу же просто не мог игнорировать пристальное внимание Ся Цинлу.

Он не выдержал и чуть отодвинулся, потом еще чуть-чуть. И без того немалая дистанция между ним и Чу Ваннанем стала еще больше.

В ответ он услышал тихий вздох, полный какого-то сожаления.

Чэнь Шу: ?

Ся Цинлу и не подозревал, что его взгляд заставляет их нервничать. Он смотрел до тех пор, пока глаза не заслезились, но так и не дождался ни одного интимного контакта. Потерев веки тыльной стороной ладони, он решил прекратить наблюдение.

В конце концов, свои дела важнее всего на свете.

Ся Цинлу в приподнятом настроении отправился на кухню к Лю Фаньи, чтобы выпросить чего-нибудь вкусенького, прихватив по пути Янь-Янь.

— Тетя Лю сегодня приготовила жареное таро в сахаре, хочешь? — спросил он, подбросив девочку на руках.

— Хочу! — звонко ответила Янь-Янь, вскидывая ручки.

Ся Цинлу:

— Хорошо, тогда сначала пойдем помоем руки.

Стоило ему увести ребенка, как Чу Ваннань и Чэнь Шу синхронно замолчали, провожая их взглядами.

На кухне Лю Фаньи шутливо ворчала на Ся Цинлу, чтобы тот не ел слишком много, ведь скоро обед, а он со смехом соглашался, и всё это перемежалось восторженными криками Янь-Янь о том, как вкусно.

Там было шумно и весело, что резко контрастировало с притихшей гостиной.

На губах Чэнь Шу заиграла мягкая улыбка. Он с нежностью смотрел в сторону кухни, словно видел сквозь стену, как Янь-Янь заливается смехом.

Последние дни подготовки к открытию частной кухни были утомительными, но эта усталость не шла ни в какое сравнение с его прежней работой.

Главное, что пока он занимался делами, Янь-Янь оставалась у сестры Фаньи под присмотром её и Сяо Лу. Она была так счастлива, что по возвращении домой мгновенно засыпала без сил и даже во сне улыбалась.

Видя, что ребенок становится всё активнее, а от былой тревоги и «послушности» на новом месте не осталось и следа, Чэнь Шу еще больше преисполнился благодарности к соседям и искреннего желания довести дело до конца.

Подумав об этом, он отогнал лишние мысли и сказал Чу Ваннаню:

— Давай продолжим и обсудим оставшиеся вопросы.

В отличие от теплоты сестры Фаньи и радушия Сяо Лу, в общении с Чу Ваннанем Чэнь Шу невольно переходил в рабочее состояние — холодное и эффективное.

Когда черновой план был готов, Чэнь Шу взглянул на исписанные листы и искренне похвалил:

— Будь ты стажером в моей компании, я бы обязательно переманил тебя к себе.

Анализ Чу Ваннаня был обоснованным, речь — четкой, а сообразительность позволяла схватывать всё на лету. Работать с ним было одно удовольствие. Чэнь Шу, как бывший руководитель, всегда ценил такие таланты и даже на мгновение задумался, не порекомендовать ли его на стажировку прежнему работодателю.

Но Чу Ваннань еще даже не поступил в университет, поэтому Чэнь Шу с сожалением отбросил эту мысль.

— Спасибо, — Чу Ваннань закрыл колпачок ручки. — Тогда на этом варианте и остановимся. Если нужно будет что-то добавить, сделаем это позже.

— Хорошо, — машинально отозвался Чэнь Шу.

Чу Ваннань зашел на кухню как раз в тот момент, когда Ся Цинлу тайком стянул куриное крылышко в коле. Он подошел и приподнял Ся Цинлу за воротник.

Почувствовав натяжение ткани на шее, Ся Цинлу обернулся и увидел за спиной друга:

— Вы закончили?

— Угу, — Чу Ваннань скользнул взглядом по его замасленным губам. — Разве мама не просила тебя не объедаться?

— Я и не объедаюсь, всего одну штучку съел, — Ся Цинлу ничуть не смутился и махнул рукой.

— К тому же я поделился с Янь-Янь!

Услышав про Янь-Янь, Чу Ваннань опустил взгляд.

Девочка захлопала огромными глазами и тут же зажала рот ладошками, завидев его, но Чу Ваннань всё равно заметил пятнышко соуса у неё на носу.

Значит, сообщница.

Чу Ваннань с презрением бросил:

— Подбиваешь ребенка на воровство еды, и совесть не мучит?

Ся Цинлу ответил с достоинством:

— Это дегустация. Я заранее проверяю вкус для вас всех.

Он взял Янь-Янь за ручку, ища поддержки:

— Скажи, Янь-Янь, я ведь прав?

Янь-Янь закивала, как цыпленок, клюющий зерно:

— Прав!

— Вот видишь, — Ся Цинлу победоносно взглянул на друга.

Пальцы Чу Ваннаня, опущенные вдоль туловища, дернулись — очень хотелось отвесить ему щелбан.

Ся Цинлу почувствовал холодок за спиной и, почуяв неладное, поспешил увести Янь-Янь:

— Ладно, не будем об этом, я верну ребенка отцу.

Он умчался так быстро, что Чу Ваннань не успел его схватить.

Лю Фанъи, стоявшая рядом, только посмеивалась, глядя на них.

Чу Ваннаню ничего не оставалось, как вымыть руки и спросить:

— Мам, еще чем-нибудь помочь?

— Нет, Лулу уже со всем помог.

Несмотря на слова матери, Чу Ваннань не ушел, а доделал мелкие дела и вытер насухо столешницу у раковины.

Лю Фанъи с улыбкой наблюдала за тем, как её высокий сын хлопочет на кухне.

— Кстати, вам ведь скоро на учебу. Билеты уже купили?

Чу Ваннань:

— Купил на 29-е число.

Регистрация первокурсников в Цинхуа начинается 30-го. Говорили, что места в общежитии распределяются по принципу «кто успел», так что лучше приехать на день раньше, переночевать в отеле и с утра пораньше занять подходящую кровать.

Лю Фанъи кивнула и спросила:

— А как же Лулу?

Чу Ваннань:

— Он не успел купить билет на 29-е, приедет только 30-го.

Когда Ся Цинлу доберется до Пекина, будет уже как минимум полдень. Жаль, что номер общежития узнаешь только после регистрации, иначе Чу Ваннань мог бы занять ему место получше.

Какая досада: если бы они летели одним рейсом, ребятам было бы веселее вместе.

Впрочем, они уже взрослые парни, за их безопасность можно не переживать.

Лю Фанъи больше не спрашивала.

Дни пролетали один за другим. В ленте друзей то и дело мелькали новости об отъезде в университеты, школьный чат гудел от восторга — все делились фотографиями своих вузов.

И только у Ся Цинлу сердце с каждым днем уходило в пятки всё глубже. О спокойствии не могло быть и речи.

В день отъезда Чу Ваннань на прощание сказал ему:

— Буду ждать тебя там.

Сердце Ся Цинлу пропустило удар от страха.

Он не признался Чу Ваннаню, что на самом деле тоже купил билет на 29-е. В Бэйда регистрация тоже начиналась 30-го, и он планировал приехать заранее, переночевать в гостинице и с утра пораньше занять место в общежитии.

Если бы он сказал Чу Ваннаню про билет на 29-е, выпутаться было бы невозможно.

Неужели ему пришлось бы сказать правду прямо перед воротами Цинхуа, когда Чу Ваннань потащил бы его за собой?

Да Чу Ваннань его просто убьет!

В новостях потом напишут: «Возле ворот Цинхуа парень избил друга за то, что тот поступил в Бэйда» или «Спор между Цинхуа и Бэйда довел друзей детства до драки на улице: какой же вуз на самом деле лучший в стране?».

Ся Цинлу передернуло.

Когда он уезжал, вид у него был героически-трагичный. Он тащил чемодан так, будто шел не в университет, а на эшафот — «ветер свистит, воды реки И холодны».

Ся Шаньхань смотрела на это с невольной улыбкой:

— Я ведь советовала тебе признаться Сяо Наню пораньше. О чем ты думал? Теперь вот трясешься.

Она не понимала, в чем именно заключается затык у сына. Почему просто не сказать правду? Не съест же его Сяо Нань, в самом деле.

Ся Цинлу и сам это понимал, но в таких делах чем дольше тянешь, тем сложнее начать разговор.

Он всё думал: «Завтра, завтра точно скажу Чу Ваннаню», но наступало завтра, и он снова пасовал. Так день за днем он откладывал неизбежное, пока не настал момент отъезда.

Главная причина была в его внезапном решении сменить вуз.

Аргумент о том, что факультет психологии в Бэйда лучше, мог убедить Ся Шаньхань, но не Чу Ваннаня. Еще в детстве, если Ся Цинлу втайне съедал конфету, Чу Ваннань по мельчайшим уликам мог вычислить, что это была за конфета, где он её купил и в какое время съел.

Ся Цинлу на собственной шкуре знал, каково это — попасть под каток чужой гениальности.

Хорошо еще, что у него накопился опыт и он научился худо-бедно пудрить другу мозги, иначе Чу Ваннань еще летом вывел бы его на чистую воду.

В зеркале заднего вида Ся Шаньхань видела, как выражение лица сына меняется с торжествующего на унылое — настоящий калейдоскоп эмоций.

Она лишь покачала головой, вздыхая над его недогадливостью.

Сяо Нань разозлится не из-за выбора другого университета, а из-за того, что от него это скрывали.

Впрочем, трудно сказать, недогадливость это или подсознательная уверенность в собственной безнаказанности. Ся Цинлу знает, что Сяо Нань к нему привязан и ценит их дружбу, а значит, долго злиться не сможет — вот и ведет себя так по-свински.

Да, именно по-свински.

Даже будучи родной матерью, Ся Шаньхань не могла найти ему оправдание.

Выросли вместе, были не разлей вода, и вдруг один уходит в другой вуз, даже не предупредив, и собирается сказать об этом только в день начала занятий. Времени было предостаточно, но он не проронил ни слова.

Будь у неё такая подруга, она бы пришла к ней и хорошенько всыпала.

О чем на самом деле думал Ся Цинлу, не знал никто, кроме него самого.

Когда он поднялся на борт самолета, в то же самое время Чу Ваннань только что приземлился и вызывал такси до отеля.

30 августа, разгар знойного лета. Цинхуа и Бэйда — два университета, разделенных одной улицей, чьи ворота смотрят друг на друга и которые вечно соревнуются между собой, — наконец встретили новое поколение студентов.

<http://bllate.org/book/17132/1606006>